

Брызги крови, разлетающиеся во все стороны, словно обладали заразной силой, и третий брат, сжавшись от боли, резко открыл глаза, полные красных прожилок. Его глазные яблоки выпячивались, будто готовые выскользнуть из орбит, а кровь, выдавленная из них, хлынула наружу, словно кто-то руками вырывал его глаза. Остальные тоже были в не лучшем состоянии. Цзоу Чэнь, повидавший множество странных и ужасающих сцен, которые даже в фильмах ужасов не снять, хоть и был застигнут врасплох, уже успел бросить в людей все доступные амулеты, надеясь хотя бы сохранить им жизнь. Однако, когда его собственное зрение начало затуманиваться и тьма стала поглощать его, Цзоу Чэнь почувствовал, как сердце сжалось. Он схватил руку Шэнь Цина, пытаясь сохранить последние проблески сознания:

— Брат, я тоже попался, но думаю, что ещё могу спастись! Если вдруг... постарайся быть помягче...

Не закончив фразу, он потерял силы, обмякнув на Шэнь Цине.

Шэнь Цин уложил Цзоу Чэня в сторону и сел рядом. Ночной ветерок, несущий аромат свежести, окутал его. Глядя на открытый вход в палатку, где виднелись стволы баньяна, Шэнь Цин углубился в размышления, сдерживая бурлящую внутри энергию элемента дерева. Он выпустил своих духовных растений — аконит, кровавую лозу и повилику. Аконит, выразив свою тоску по хозяину, грубо потянул за собой ещё сонную кровавую лозу, скрывшись за пределами палатки. Повилика же, поджав голову, спряталась рядом с Шэнь Цином, добавив ещё один слой защиты. Не в силах больше сопротивляться нахлынувшей усталости, Шэнь Цин погрузился в сон.

Да, несмотря на все предосторожности и осторожность по отношению к баньяну, Шэнь Цин, как и все остальные, попал под его влияние.

Вновь перед глазами вспыхнул ослепительно красный цвет, поле цветов манджушаки, яркое и дерзкое, как прежде.

Шэнь Цин стоял среди цветов, сорвав один из них. Аромат, исходящий от цветка, проник в его ноздри, и невольно вспомнились картины, когда он лежал на этих цветах, а над ним извивался демон. Эх, мужчины! Шэнь Цин с отвращением отмахнулся от этих мыслей и, не задумываясь о направлении, пошёл сквозь цветы. В этом море однообразной, но невероятно яркой красоты время словно потеряло смысл. Когда он снова раздвинул ветви, перед ним возникло нечто иное, ещё более завораживающее — человек с чёрными волосами и в тёмной одежде, чья спина затмевала даже самую яркую манджушаку.

— Шахуа, — остановился Шэнь Цин, его лицо оставалось непроницаемым, голос спокойным, без намёка на радость от встречи.

— Я думал, ты предпочитаешь называть меня Бай Сюйяо, — обернувшись, Бай Сюйяо устремил на Шэнь Цина взгляд, полный глубокой тоски. Однако, увидев холодное выражение лица Шэнь Цина, он слегка расстроился, в глазах мелькнула обида. — Красавчик, так долго не виделись, неужели ты не можешь порадоваться? А лучше — обними и поцелуй меня!

Он подошёл ближе, широко раскрыв руки, ожидая объятий.

Шэнь Цин вдруг улыбнулся, словно снег, накопившийся за всю зиму, наконец растаял весной, превратившись в ручей, который наполнил сердце Бай Сюйяо прохладной сладостью. В глазах Бай Сюйяо вспыхнул восторг, и он ещё ближе подошёл к Шэнь Циному, обхватив его руками. Но в глазах Шэнь Цина читался лишь холод. Когда Бай Сюйяо коснулся его, кончики пальцев резко

обожглись, и он отдернул руку, с недоумением глядя на Шэнь Цина:

— Красавчик, ты...

В его руке продолжал плясать маленький огонёк. Шэнь Цин с насмешкой взглянул на него:

— Я говорил, что за твои глупости я тебя накажу.

Не дав Бай Сюйяо оправдаться, он выпустил огонёк, а следом за ним — клинки силы души, заряженные красной энергией, и пространственные клинки, обрушив на Бай Сюйяо всё, что мог.

Бай Сюйяо не сопротивлялся, уклоняясь от атак, но когда Шэнь Цин объединил красную энергию с огнём, Бай Сюйяо начал терять хладнокровие, особенно почувствовав убийственный настрой Шэнь Цина:

— Ты хочешь меня убить?

— А ты думал, я с тобой в игры играю? Ты всё такой же ребёнок.

Непрерывные техники души сбили Бай Сюйяо с ног, а Шэнь Цин безжалостно атаковал его в ближнем бою, каждый удар был смертелен. Кто бы мог подумать, что эти двое когда-то были близки?

В разгар боя Шэнь Цин вдруг произнёс:

— Понял, что бывает, когда меня злишь?

Бай Сюйяо на мгновение замер, думая, что это шутка, но в этот момент Шэнь Цин уже вонзил в его сердце огненную иглу, и энергия элемента дерева проникла в его тело.

— Ты...

Бай Сюйяо смотрел на Шэнь Цина с болью, глаза покраснели от злости, лицо стало бледным. Когда Шэнь Цин отступил и энергия вернулась в него, Бай Сюйяо рухнул на землю.

Шэнь Цин смотрел на лежащего бездыханного Бай Сюйяо, тяжело дыша, его лицо стало ещё холоднее.

В то же время в другом мире иллюзий.

Чьё-то лицо полностью потемнело, в сердце стужа:

— Должно быть, я что-то делаю не так! Мой милый, нежный и заботливый красавчик не может быть таким жестоким!!!

Шэнь Цин был последним, кто вошёл в мир иллюзий, но первым, кто вышел из него, чувствуя себя бодрым, словно после хорошего сна. Возможно, избив «Бай Сюйяо», даже зная, что это не настоящий, он смог немного выпустить накопившийся гнев и почувствовал облегчение. Осмотрев палатку, он заметил розовый туман, окутывающий всех, — это был персиковый миазм, выпущенный аконитом, который помог Шэнь Цину сохранить ясность в мире иллюзий и защитил остальных. Однако ситуация была всё ещё тяжёлой: кроме Цзоу Чэня, который ещё боролся, остальные еле дышали, и было непонятно, доживут ли они до утра.

Пламя духовного фонаря мерцало. Шэнь Цин поднял его с земли, стряхнул пыль с одежды и вышел из палатки. Ночь была чёрной, словно пропитанной густой кровью, и лишь слабый свет фонаря делал окружающий мир ещё более мрачным. Шэнь Цин, словно ведомый невидимой силой, обошёл вокруг баньяна, ощущая на его стволе множество отверстий и влажных следов. В свете фонаря он заметил на земле обломки ветвей и листьев, похожих на обычный плющ, но их красно-коричневый цвет и запах крови указывали на мутацию.

Присев, он взял щепотку влажной земли и выпустил в неё энергию элемента дерева. Мгновенно он почувствовал мощную энергию, исходящую от корней баньяна, а между ними — более слабую, но столь же кровавую энергию мутировавшего плюща. Следуя за его запахом, Шэнь Цин направился вглубь ночи.

Без кроны баньяна лунный свет падал на поверхность озера, окрашивая его в кроваво-чёрный цвет. Почти весь водоём был покрыт мутировавшим плющом. Подойдя ближе, Шэнь Цин почувствовал, как красная энергия внутри него бурлит, подталкивая его к озеру. В то же время тихая поверхность воды зашелестела, листья плюща зашевелились, а толстые чёрные ветви начали выдвигаться, словно хищники, готовые поглотить свою добычу.

<http://bllate.org/book/16244/1461068>